

средством описания настоящего наследника византийского престола – царевича Алексея: «Вот ваш прирожденный сеньор; [...] мы прибыли не для того, чтобы содейть вам зло; нет, мы прибыли, чтобы оградить и защитить вас» [2, с. 74]. Само же взятие Константинополя представлено как божье деяние «Тому, кому бог хочет помочь, повредить никто не в состоянии» [2, с. 68].

В повествовании Гунтера Пэрисского имеют место акценты, схожие с его позицией относительно Задара: крестоносцы представлены как сообщество, этос, свято чтящий свои законы; венецианцы как люди наживы, выгоды. Автор четко обозначает причины похода крестоносцев на Константинополь: «им казалось благочестивым делом восстановить [царевича Алексея] на престоле» [3], а также - «в особенности же к этому побуждали [крестоносцев] венецианцы [...], потому что город этот [Константинополь] притязал на главенство и господство во всем море» [3]. Направить крестоносцев на Константинополь, подогреть их пыл было достаточно легко, ведь венецианский дож был чтим ими как руководитель. Даже сам Гунтер Пэрисский описывает Энрико Дандоло так: «Мудрейший муж [...], к нему всегда обращались за советом» [3].

Подводя итог, отметим, что, сопоставляя два источника, написанных людьми, принадлежащими к разным этосам, при помощи лексем мы выявили конструкты восприятия событий разными копорациями: рыцари рассматривали свое войско и войско венецианцев как единое целое, как сообщество; церковный же автор, принимая во внимание (судя по всему, отчетливо представляя) нюансы рыцарского этоса, видел то, как активно и умело пользуются этими понятиями венецианцы.

Преимущества междисциплинарного подхода, интегрирующего принципы классического герменевтического анализа и логики социального конструктивизма, состоят в возможности выявления базовых семантических структур и их лексического отражения; с помощью них средневековый автор транслирует не только смысл, но и воздействовавшие на него социальные, культурные и политические факторы.

1. Блакар, Р. М. Язык как средство социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социальных взаимодействий / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; общ. ред. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1987. – 464 с. – С. 88–125.
2. Виллардуэн, Жоффрау де. Завоевание Константинополя / перевод, статья и комментарии М. А. Заборова; ответственный редактор Ю. Л. Бессмертный. – М. : Наука, 1993. – 298 с.
3. История завоевания Константинополя Гунтера Пэрисского [Электронный ресурс] // Восточная литература. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/>. – Дата доступа: 04.02.2019.
4. Козеллек, Р. Теория и метод определения исторического времени / Р. Козеллек // Логос. – 2004. – № 5. – С. 97–130.
5. Назаренко, А. В. О междисциплинарном подходе к изучению Древней Руси / А. В. Назаренко // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 1(7). – С. 5–8.
6. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа / М. Оссовская – М. : Прогресс, 1987. – 528 с.
7. Ранчин, А. М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности / А. М. Ранчин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2001. – № 4. – С. 69–81.
8. Филошкин, А. И. Экзегетика древнерусских нарративных памятников и проблема герменевтической интерпретации текстов / А. И. Филошкин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – № 4. – С. 26–34.

Нагирный В.Н.

ПОЛЯКИ НА РУСИ В XI–XII ВЕКАХ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Проблема контактов Руси с соседними государствами на уровне правящих династий традиционно занимает ключевое место при изучении внешнеполитических связей русских княжеств в XI–XII веках. В то же время, отношения русской политической (некняжеской) элиты с представителями других политических культур посвящено намного меньше внимания, а связи Руси с соседними государствами на уровне контактов обычных подданных практически совсем. Это обусловлено как характером сохранившихся источников, так и малой заинтересованностью исследователей изучением этих проблем. Только в последние годы наблюдается определенный рост интереса к изучению вопросов пребывания выходцев из Руси на службе в венгерских, польских и чешских правителей [1; 2; 3] или к путешествиям венгерской элиты на земли Руси [9]. Что касается проблемы пребывания на Руси «ляхов», то здесь существуют определенные

наработки только касательно XIII века [см.: 12, с. 223; 10]. Цель настоящего доклада – попытаться заполнить этот пробел.

В своем исследовании я не буду касаться отношений между правящими династиями Рюриковичей и Пястов или посещения последними русских земель. Объектом моего внимания являются выходцы из Польши не княжеского происхождения, пребывающие на Руси в XI–XII веках, в свете данных русских летописей. Речь идет в первую очередь о ранних русских летописных сводах – «Ипатьевском» [4] и «Лаврентьевском» [5], а также о «Радзивилловской» [7] и ранних новгородских летописях [6]. Более поздние летописные произведения в этом случае имеют вторичное значение – они или совсем не содержат данных об исследуемой проблеме, или просто повторяют информацию более ранних источников.

В целом, содержащуюся в русских летописях информацию о поляках на Руси в XI–XII веках можно условно разделить на две большие группы:

I. данные о временном пребывании поляков в русских землях – главным образом, об их участии в военных походах на Русь, реже в дипломатических миссиях к русским правителям;

II. информацию о «ляхах», пребывающих на службе у русских князей или проживающих на Руси.

Перейдем к более детальному рассмотрению каждой из этих групп.

I. Данных, относящихся к первой группе, в русских летописях относительно много. Рюриковичей и Пястов в этот период часто связывали союзные отношения, что проявлялось как в участии последних во внутренних конфликтах на Руси, так и в заключении династических браков. Соответственно, «ляхи» неоднократно появляются на страницах русских нарративных источников. Информацию о них можно условно поделить на несколько меньших групп:

- 1) данные о воинских контингентах конкретных польских князей, принимавших участие в походах на Русь;
- 2) общие сведения о польской военной помощи русским правителям;
- 3) данные о пребывании поляков на Руси в составе дипломатических миссий.

О военном вмешательстве конкретных польских правителей в конфликты на Руси летописи сообщают под следующими датами: 6526 (1018) г. – поход Болеслава Храброго в помощь князю Святополку против Ярослава Владимировича [4, стб. 130–131; 5, с. 142–144; 7, с. 62]; 6577 (1069) и 6585 (1077) гг. – помощь Болеслава Смелого Изяславу Ярославовичу в возвращении Киева [4, стб. 162–163, 190; 5, с. 173–174, 199; 6, с. 17, 190–191; 7, с. 73]; 6605 (1097) г. – помощь Владислава Германа Давиду Игоревичу [4, стб. 243–244; 5 с. 270]; 6654 (1146) г. – поддержка Болеславом Кучерявым Всеволода Ольговича в походе против галицкого князя Владимира [4, стб. 319]; 6657 (1149) г. – помощь Болеслава Кучерявого и его брата Генриха Изяславу Мстиславовичу в борьбе за Киев [4, стб. 384–388; 5, с. 323; 7, с. 117–118]; 6696 (1188) г. – Казимир Справедливый поддержал Романа Мстиславовича против его брата Всеволода Мстиславовича [4, стб. 662]; 6698 (1190) г. – Казимир Справедливый послал свои войска с Владимиром Ярославовичем для занятия Галича (в этом случае указано даже имя краковского воеводы Миколая, который возглавлял польские войска) [4, стб. 666]. В целом, эти события достаточно хорошо изучены в историографии и более детально останавливаться на них нет необходимости.

Отдельную группу составляет информация о помощи «ляхов» русским князьям, без конкретизации кем именно из польских правителей она была оказана. К ней относятся: поддержка Ярослава Святополковича в 6629 (1121) и 6631 (1123) гг. [4, стб. 286, 287]; помощь Всеволоду Ольговичу в 6648 (1140) г. [4, стб. 306]; помощь Изяславу Мстиславовичу в 6658 (1150) г. [4, стб. 401; 5, с. 327; 7, с. 120]; поддержка Мстислава Изяславовича в 6677 (1169) г. [4, стб. 533]; помощь галицкому князю Ярославу Владимировичу в 6682 (1174) г. [4, стб. 571]. В этих случаях непросто определить, кто именно из польских князей оказал помощь Рюриковичам и какой характер она носила – было ли это исполнение союзнических обязательств или речь идет о «ляхах»-наемниках. Найти ответы на эти вопросы можно только с помощью сопоставления русских и польских источников и детального анализа политической ситуации в Польше и на Руси.

Данных о пребывании поляков на Руси в составе дипломатических посольств относительно немного: в 6651 (1143) г. «безбожни Лаховѣ . и пиша оу Всеволода [Ольговича – В.Н.]» [4, стб. 313]; а в 6667 (1159) г. «w̄ Лаховѣ мужь» присутствовал на инициированной галицким князем

Ярославом Владимировичем встрече русских князей в Киеве [4, стб. 497]. В реальности, таких посольств было больше, но далеко не все они отображены в летописях.

Без сомнения, еще одной группой поляков, прибывающих на Русь, было окружение польских княгинь, выданных замуж на Рюриковичей, но до конца XII века русские летописи обходят их полным молчанием.

II. Вторая большая группа летописных известий, информирующих о более длительном пребывании поляков на Руси, также неоднородна. В ней можно выделить следующие сведения:

- 1) информацию о конкретных, названных по именам или прозвищам лицах польского происхождения на службе у Рюриковичей;
- 2) сведения о «ляхах» на русской службе – без указания имен или прозвищ, но позволяющие определить характер этой службы;
- 3) общие сведения о польских поселенцах в землях Рюриковичей.

К первой из этих групп относятся случаи упоминания в летописях конкретных личностей с указанием их имен, прозвищ или исполняемых функций. К сожалению, таких примеров очень мало – их всего два, по одному для каждого из исследуемых столетий.

Первый пример находим в «Повести Временных лет» под 6523 (1015) г. Речь идет об одном из убийц князя Бориса Владимировича, названном «Лашько» [4, стб. 121; 5, с. 135; 6, с. 172, 556; 7, с. 59; 8]. Как можно судить из контекста летописного сообщения, упомянутый «Лашько» принадлежал к знатному (боярскому?) сословию и проживал в Вышгороде. Неизвестно, исполнял ли он какие-нибудь официальные функции во времена правления Владимира Святославовича, но после его смерти видим «Лашько» на службе у нового киевского князя Святополка. Возможно, он даже вошел в круг его наиболее доверенных лиц. После участия в убийстве Бориса «Лашько» больше в летописях не упоминается. Его имя, не встречающееся на Руси в XI–XII веках, могло бы указывать на его польское происхождение (в качестве аналогий можно привести встречающиеся в летописях имена «Угрин», «Горчин» и т.п., указывающие на этническую принадлежность их носителей). Однако подтвердить или опровергнуть данное предположение не позволяет состояние источников.

Второй пример датируется серединой XII века. В этом случае летописи не оставляют места на сомнения. Интересующая нас личность прямо названа «Володисла(в) Лях» [4, стб. 526, 549]. Очевидно, летописец специально подчеркнул польское происхождение указанного персонажа, в «противовес» другим Владиславам русского происхождения (имя Владислав, в отличие от упомянутого выше «Лашько», было достаточно распространенным на Руси – в XI–XIII веках встречаем его как минимум семь раз). Несмотря на лаконичность летописных сообщений, из них можно «выжать» достаточно много ценной информации. Упомянутый Владислав впервые появляется на страницах «Киевской летописи» под 6675 (1167) г. и сразу же на высокой должности воеводы великого киевского князя Ростислава Мстиславовича – он был отправлен во главе большого отряда к днепровским порогам для охраны греческих купцов от нападений половцев, с чем успешно справился [4, стб. 526]. После смерти Ростислава перешел на службу к вольинскому князю Мстиславу Изяславовичу и поддержал его притязания на Киев (исходя из контекста летописного сообщения можно даже предположить, что Владислав был одним из предводителей партии киевлян, поддерживающей Мстислава) [4, стб. 532–533]). Встречаем в источнике и отчество воеводы – «Володислав Воротиславич» [4, стб. 532–533]. Последний раз Владислав упомянут в «Киевской летописи» под 6680 (1172), в качестве воеводы вышгородского князя Давила Ростиславовича [4, стб. 549].

Существует также теоретическая возможность того, что в русских летописях упомянуты другие лица польского происхождения, которых трудно определить из-за сходства русских и польских имен. Этот вопрос требует специальных исследований, посвященных как русской средневековой, так и в целом раннеславянской антропонимике.

К очередной группе относятся сведения летописей о «ляхах» на русской службе, без указания их имен или прозвищ, но позволяющие говорить о том, что речь идет о наемниках. Таких случаев тоже всего несколько. О первом из них «Киевская летопись» сообщает под 6631 (1123) г. В этом году сын Владимира Мономаха, Андрей был осажден во Владимире на Волыни войсками Ярослава Святополковича с венгерскими, чешскими и польскими наемниками. Но интересно, что поль-

ские воины находились и на другой стороне – именно «два Лаха», служившие Андрею, устроили у стен города засаду на Ярослава, в результате которой последний был убит [4, стб. 287]. Еще одним примером являются польские наемники, участвовавшие в походе галицкого князя Ярослава Владимировича против луцкого князя Ярослава Изяславовича в 6682 (1174) г. («да имъ . #г . гривень серебра . два города») [4, стб. 571].

Также многочисленны данные о поляках, взятых в плен в результате военных компаний и осаженных на Руси в качестве подданных Рюриковичей. В «Повести временных лет» под 6539 (1031) г. читаем, что Ярослав и Мстислав Владимировичи «многы Лахы приведоста . и раздѣлиста æ», после чего «посади Ярославъ своæ по Руси . и суть и до сего днѣи» [4, стб. 137; 7, с. 65]. В 6650 (1142) г. киевский князь Всеволод Ольгович и союзные ему черниговские и галицкие князья взяли «боле мирныхъ неже раатныхъ [ляхов – В.Н.]» [4, стб. 313; 5, с. 310; 7, с. 111]. В 6653 (1145) г. Ольговичи в результате похода против Болеслава Кучерявого «многъ полонъ вземъше» [4, стб. 318]. Несмотря на достаточно лаконичные данные летописей о польских пленниках на Руси, можно считать, что захват местных жителей во время военных акций и их дальнейшее переселение на свои земли в этот период практиковалось как Рюриковичами, так и Пястами. Это подтверждают условия договора 1229 г. между волынским князем Даниилом Романовичем и великопольским правителем Владиславом Ласконогим [11, стб. 141; 12, s. 196].

В целом, информация русских летописей о поляках на Руси в XI–XII веках достаточно фрагментарная. Если о военных акциях польских правителей, выступавших в качестве союзников Рюриковичей, находим достаточно много сведений, то данные о польских наемниках на службе у русских князей очень лаконичны. За исключением всего нескольких случаев, достоверно отличить «ляхов»-наемников от «ляхов»-союзников нельзя. Еще более скудна информация о конкретных персоналиях польского происхождения, пребывающих на службе в Рюриковичей. Фактически мы имеем только один достоверно подтвержденный случай занятия поляком высокого положения на Руси (воевода Владислав Лях) и еще в одном случае с большей или меньшей долей вероятности можем предположить, что «лях» входил в ближайшее окружение князя Святополка. И практически невозможно что-то определенное сказать о «ляхах», взятых в плен русскими князьями и осажденными ими на своих землях в качестве новых подданных. Исходя из вышесказанного, делать какие-то обобщающие выводы о пребывании поляков на Руси в XI–XII веках на основании только русских летописей не представляется возможным. Для таких заключений нужно сопоставление данных летописей с информацией других русских источников, а также польских хроник и актового материала.

1. Волощук, М. М. «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції / М. М. Волощук. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2014. – 496 с.
2. Волощук, М. М. Rutheni in Polonia XI–XIII вв.: краткие очерки проблемы / М. М. Волощук // Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th–16th c.). Publication after 4th International Conference, Mogilno, 14–16th November, 2013. / ed. V. Nagimyy. – Krakow 2014. – S. 143–153 (Серия: Colloquia Russica. Series I. – vol. 4).
3. Волощук, М. М. «Русь» в чешских землях (Богемия, Моравия, Силезия) XI–XIV вв.: избранные проблемы / М. М. Волощук // Rossica antiqua. – СПб., 2014. – № 2. – С. 3–42.
4. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 2. – СПб., 1908. – 938 стб.
5. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – Ленинград, 1926–1928, 579 стб.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 659 с.
7. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 38. – Ленинград: Наука, 1989, 179 с.
8. Сказание о Борисе и Глебе, подг. текста, пер. и комм. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси, под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: XI–XII века. – 543 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4871> – Дата доступа: 01.03.2019.
9. Фонт, М. Венгры на Руси в XI–XIII вв., / М. Фонт // А се его серебро. Збірник праць на пошану члена-кореспондента НАН України Миколи Федоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. – Київ, 2002. – С. 89–98.
10. Jusupović, A. Udział elit Polski i Rusi w zawieraniu umów międzynarodowych w pierwszej połowie XIII wieku / A. Jusupović // Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek / red. D. Dąbrowski, A. Jusupović, T. Maresz. – Kraków: Avalon, 2018. – S. 5–88.
11. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów), wyd., wstępem i przyp. opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović // Pomniki dziejowe Polski. – Seria II. – T. 16. – Kraków-Warszawa: Polska Akademia Umiejętności, 2017. – 710 s.
12. Nagimyy, W. Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264. – Kraków: Wydawnictwo PAU, 2011. – 362 s. (Серия: Rozprawy Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU. – T. 12).